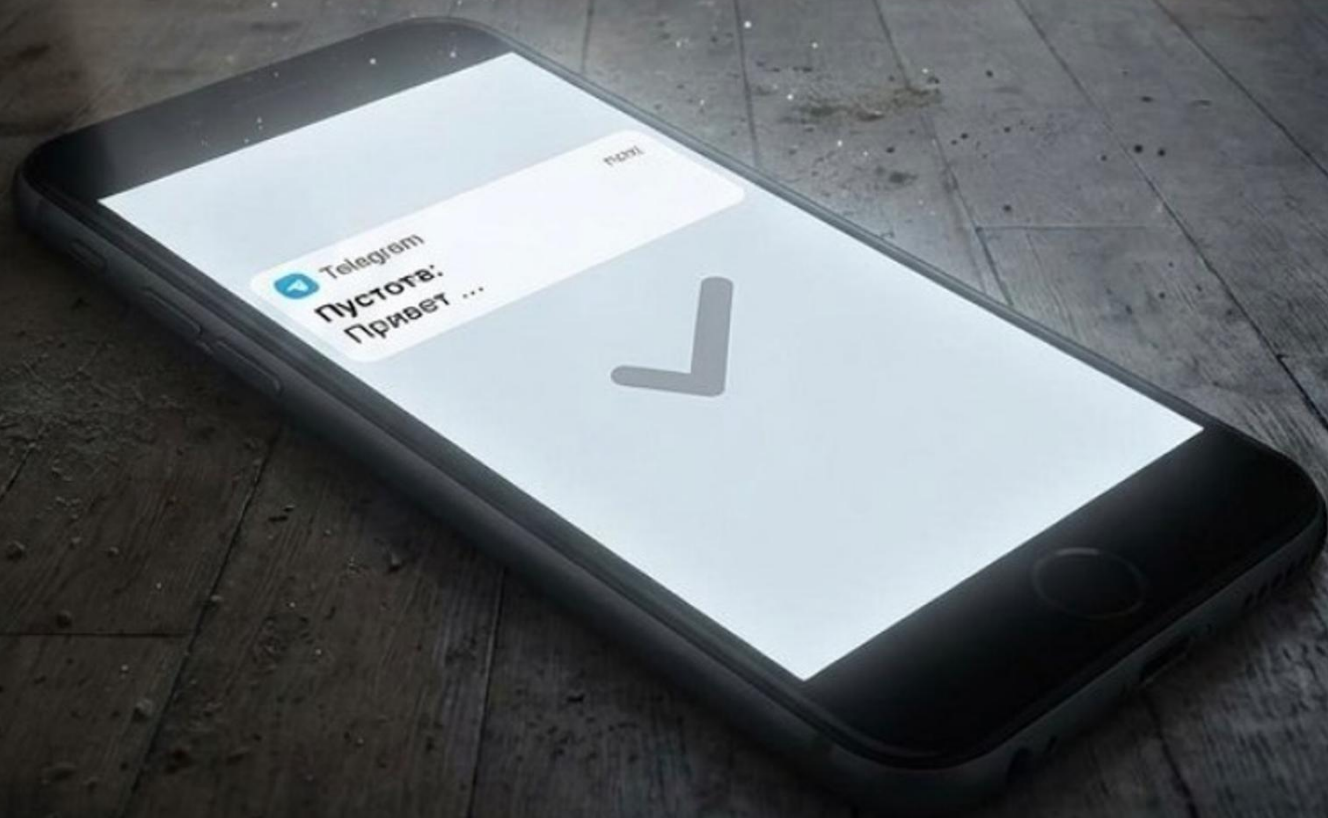

Одна галочка.
Пустота

Лера Рэй

Одна галочка. Пустота

«Автор»

2026

Рэй Л.

Одна галочка. Пустота / Л. Рэй — «Автор», 2026

Она переименовала его контакт в телефонной книге в «Пустота». Потому что именно это он оставил после себя. Три месяца она писала ему в Телеграм. Каждый день. Он не читал. Ни одного сообщения. Ни одного ответа. Только одна серая галочка — свидетельство того, что она всё ещё ждёт. Но однажды уведомление на заблокированном экране меняет всё. Он написал сам. Теперь Лиле предстоит заново научиться дышать. Потому что прошлое, которое она пыталась похоронить, возвращается. А рядом — человек, который смотрит на неё без жалости. И это пугает сильнее, чем боль. «Одна галочка. Пустота» — роман о любви, которая не умирает, и о выборе, который может изменить или разрушить всё.

© Рэй Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 5	19

Лера Рэй

Одна галочка. Пустота

Пролог

Легко обвинять во всём судьбу или какие-то силы свыше, легко всецело обвинять другого человека в своей боли, легко находить оправдания самой себе, а вот признать, что ты всё видела и всё понимала - это тяжелый труд.

Легко говорить себе: «я просто такой, меня не изменить и в этом нет моей вины», а вот признать, что ты сломан где-то внутри и что это нельзя принимать как что-то должное, что с этим необходимо работать - это невыносимо.

Мы все люди и все мы эгоисты до глубины души. Мы все стараемся выбрать более легкий маршрут и разве можно винить себя и других людей за это? Лень - двигатель прогресса, но не двигатель любви. И очень просто забыть о таких понятиях как: любовь, человечность, сострадание. Легко вычернуть из жизни те понятия, что заставляют нас испытывать боль. От этой боли нет кровоточащих ран, зато где-то внутри тебе кажется, будто сердце проломит рёбра. А ещё от этой боли нет волшебных пилюль.

Только представьте, если бы боль от разбитого сердца давала нам реальные раны. Раны, которые можно обезболить и зашить. Думается мне, что тогда люди не стали бы подходить к этому чувству более осознанно, скорее наоборот. Если бы боль от разбитого сердца можно было так оперативно вылечить, то люди перестали бы бояться любить. Зачем бояться того, что стопроцентно можно быстро, хоть и не безболезненно вылечить?

Хорошо, а если бы от этих ран можно было умереть? Что, если бы раны зависели от силы любви, от того, насколько был жесток человек который разбил нам сердце? Тогда были бы и те раны, которые сравнить можно было разве что с обширным внутренним

1

кровоотечением. Когда речь идёт о таких ранах, счет жизни идет на минуты. Тогда люди совсем перестали бы любить? Эгоизм наверняка и тут взял бы верх.

Вот только, можно много говорить о людском эгоизме и всё таки, все мы нет да нет ныряем в эту пучину под названием «любовь». Потому что пусть человек и эгоистичен, но всем нам нужна любовь. В разных проявлениях, но человек не может жить совсем без заботы, нежности и чувства собственной нужности для другого человека.

Уверенна, в этой истории многие найдут себя. Ведь каждому известно какого это, когда тебе разбивают сердце. И так же всем известно какого это, когда ты не можешь любить кого-то, кто любит тебя.

А пока, я должна справиться с тем, что он вернулся. Я должна решить, готова ли я снова впустить его. Готова ли открыть душу и вновь вложить в его руки своё окровавленное сердце.

2

Глава 1

Я снова просыпаюсь в холодном поту. У меня снова болит шея и спина. Мне снова всю ночь снились кошмары. И ладно бы во сне мне приходилось сбегать от толпы зомби или пытаться выжить в доме с привидениями и монстрами, потому что и такие сны мне не редко снились, но сны которые мучили меня последние полгода были гораздо страшнее. В них меня раз за разом предавали. Мне раз за разом делали больно и я не про физическую боль. Из-за этих сновидений качество моего сна сильно упало и хоть я и принимала антидепрессанты вкупе со снотворными, это меня не спасало.

Долго лежать и отходить от очередного кошмара я не могу, нужно вставать и собираться на работу. Умывшись холодной водой и почистил зубы, заставляю себя наспех съесть йогурт и запиваю его кофе. Ненавижу вставать так рано, желудок наотрез отказывается принимать завтрак так рано, но если не съем сейчас хоть что-то, то до обеда не продержусь.

Пусть я и не очень любила свою работу, но сегодняшний день обещал быть обнадеживающим. На стажировку приезжает новый сотрудник из Питера, пусть он и пробудет у нас всего 3 месяца, хотя бы на это время он разгрузит меня и сместит фокус начальства на себя. О стажере я знала лишь то, что он моложе меня на 7 лет. Парень с хорошим образованием, современными взглядами и крепкой хваткой. Что ещё может быть нужно в отделе маркетинга? У нас появляется всё больше молодых кадров и говоря откровенно, ребята все как один - цепкие и точно знающие, чем можно подкупить потенциальных клиентов. Вот и на нового стажера я возлагаю большие надежды, ведь в последнее время перестала справляться с объёмом работы свалившемся на меня.

Мой босс и коллеги относятся с пониманием к тому, что я откровенно начала сдавать позиции, что на самом деле было мне совсем не свойственно. Вот только мне было тошно от их «понимания». Никто на самом деле не понимал, только жалели, а жалость - это последнее, что мне было нужно. Но не только на работе не знали как сейчас обращаться со мной, даже от разговоров с подругами уже стало тошно. Выслушивать очередные фразы в стиле: «да ладно, с самого начала было понятно, что он тот ещё козлина» и «он просто тебя недостоен» было просто невыносимо. Никто не пытался понять, что я чувствую и были уверены, что мне будет легче, если они польют моего бывшего дерьмом. Вот только, это так не работало. И в итоге я просто приняла решение закрыться. Улыбаться и говорить: «у меня всё хорошо». Продолжать жить и никому не показывать, что каждый день внутри меня умирает новая маленькая частичка.

Уже стоя на выходе из квартиры, я по привычке открываю чат в котором изо дня в день тону в своей боли - сообщения по прежнему отображаются с одной галочкой. Нет, я не заблокирована, я просто в игноре. Меня не просто вычеркнули из жизни, меня вычеркнули из списка людей. Выпускаю тяжелый выдох и промаргиваюсь, потому что глаза предательски начинают слезиться. По правде говоря, уже как два месяца я не плачу каждый день. Порой грусть застает меня врасплох и я могу поплакать ночью в подушку, но слёзы больше не душат меня каждый день по несколько раз. Значит ли это, что я учусь жить без него? Мой взгляд снова падает на злосчастный чат и я медленно качаю головой. Нет, просто я научилась жить с этой болью.

Как прошёл мой путь до работы? Мокро и грязно! Я влетела в офис с чувством, что опоздала на целую вечность, хотя часы показывали всего девять-пятнадцать. Волосы были мокрыми после утреннего ливня и свисали мокрыми прядями вдоль моего лица, а на белой блузке красовалось кофейное пятно — подарочек от баристы, который не донёс до меня стаканчик, когда я выхватывала его в проходе.

— Я на месте, — выдохнула я, вваливаясь в открытый опенспейс.

Мой босс, мужчина средних лет, с очень приятной внешностью и ещё более приятным характером, поднял на меня взгляд поверх очков. Он уже стоял рядом с кабинетом для переговоров, а рядом с ним — кто-то очень высокий. То есть реально высокий. Даже издали было понятно, что этот человек возвышается над всеми в опенспейсе как минимум на голову. В тёмно-синем свитере, с рюкзаком за плечом и влажными после дождя волосами.

— Отлично, что ты пришла, — сказал босс с той особенной интонацией, которая означала: «ты опоздала, но я сделаю вид, что не заметил». — Знакомьтесь. Это Матвей. Приехал к нам из Питера на стажировку. Матвей — это наша надежда и опора отдела маркетинга, Лиля.

Я выдавила дежурную улыбку и сделала шаг вперёд.

Матвей, услышав моё имя, развернулся ко мне всем корпусом, и я невольно задрала голову. Ну конечно. Два метра, если не больше. На фоне офисных перегородок он казался великаном — широкие плечи, длинные руки, и вся эта масса, нависла надо мной, пока я, метр шестьдесят в ботинках на плоской подошве, смотрела на него снизу вверх.

В груди ёкнуло. Не от него. От ощущения. Знакомого до боли — когда поднимаешь голову всё выше и выше, пока шея не начинает ныть, иловишь чужой взгляд сверху.

Я моргнула, отгоняя наваждение.

Матвей улыбнулся — открыто, без той нарочитой серьёзности, которую любят напускать на себя стажёры в первый день. Свет из окна падал на его тёмные волосы, и я заметила, что они волнистые у висков и чуть растрёпаны, он определено тоже попал под дождь, но его это почему-то не испортило. В отличие от меня.

— Лилия, — повторил он, и голос у него оказался глубоким, не слишком низким, вполне подходящим для его возраста. Он слегка наклонился вперёд, чтобы смотреть мне в глаза, не сверху вниз, а почти на одном уровне. У него это вышло естественно, без снисходительности. — А я вас знаю.

Я моргнула.

— Простите?

— Ваш кейс с «Северным сиянием». Год назад. Я ещё в университете писал по нему работу, — он чуть склонил голову набок, и я снова почувствовала эту разницу в росте, когда кто-то такой огромный наклоняется к тебе, и ты поневоле вытягиваешь голову в плечи. — Вы тогда поднимали продажи турфирмы на сорок процентов за два месяца. Мой преподаватель сказал, что это один из лучших примеров работы с эмоциональным брендингом в регионе.

Я стояла и чувствовала, как внутри что-то сдвигается. Не боль. Не грусть. Что-то другое, забытое.

И тут я заметила.

Матвей выпрямился, чтобы что-то сказать боссу, и на секунду, всего на одну секунду, свет упал на его лицо под определённым углом. Тёмные брови. Линия скул. Чуть прищуренный взгляд, когда он слушал. Та же высокая фигура, тот же разворот плеч.

Моё сердце дёрнулось. Резко, как от удара током.

Я снова задрала голову — и в этот миг всё смешалось. Высокий мужчина надо мной. Тёмный свитер. Руки, которые могли бы сомкнуться вокруг моей талии, если бы захотели. Этот запах — дождя и чего-то ещё, неуловимого, что вдруг показалось знакомым.

Я узнала этот силуэт. Или мне показалось? Нет, не показалось. Где-то на периферии сознания мелькнула чужая тень, чужое лицо, чужой рост, который я так хорошо помнила — когда он стоял передо мной, и мне приходилось запрокидывать голову почти до боли в шее, чтобы встретиться с ним взглядом. На долю секунды перед глазами встала другая картинка — дождливый вечер, мокрый асфальт, и тот же самый поворот головы, те же широкие плечи, нависающие надо мной. Наша последняя встреча... Я замерла.

Нет.

Я не позволила себе додумать. Не позволила имени всплыть на поверхность. Я просто выкинула эту мысль, как выкидывают окурок, — резко, без сожаления, не глядя на то, как он гаснет.

Потому что это был не тот человек. Рост — не повод. Много ли мужчин под два метра в Москве? Половина баскетбольной команды. Просто совпадение.

И я больше не позволяю себе искать его в других.

— Это было... — я запнулась, возвращая себя в реальность. —

Давно.

— Сорок процентов, — повторил Матвей, и в его глазах мелькнуло восхищение. Он снова чуть наклонился ко мне, и я заметила, что делает он это машинально — просто чтобы видеть моё лицо, а не макушку. — Такое не забывается. Я очень рад иметь возможность поработать с вами.

Босс довольно хмыкнул и похлопал Матвея по плечу (для этого даже ему пришлось вытянулся во весь свой рост и я была готова поклясться, что он всего на секунду поднялся на цыпочки):

— Видишь, Лиль, у тебя уже фанаты появляются. А ты говорила — выгорела. Молодёжь тянется к опыту.

— Я не говорила, что выгорела, — ответила я, чувствуя, как щёки начинают предательски гореть. — Я говорила, что устала.

— Усталость лечится отпуском, — философски заметил босс, разворачиваясь к своему кабинету. — А пока — займись новым коллегой, покажи ему, где кофе и где туалет.

Он ушёл, оставив нас стоять друг напротив друга в пустеющем коридоре. Точнее, меня стоять, а Матвея — возвышаться надо мной, как сосна над одуванчиком. Я снова запрокинула голову, и шея привычно заныла — то самое чувство, от которого я думала, что уже отвыкла.

Вблизи он был другим. Нет, правда — другим. У того, другого, глаза были светлее, улыбка холоднее, и он никогда не наклонялся ко мне так — будто это естественно, будто ему самому некомфортно смотреть на меня сверху вниз. Матвей стоял передо мной, слегка ссутулившись, и я поняла, что он делает это специально — чтобы я не чувствовала себя такой маленькой.

— Я, наверное, выгляжу как мокрый и очень грязный воробей, — выдавила я, поправляя прядь волос, и поняла, что на самом деле боюсь услышать в его ответе что-то, что снова заставит меня вспомнить. Мне хотелось, чтобы схожести закончились на внешности, ведь нам ещё три месяца работать бок о бок.

Матвей усмехнулся. Свет от ламп падал на него сверху, отбрасывая длинную тень, и я снова почувствовала эту разницу — как он огромный, и какая я крошечная, и как всё таки странно, что мне не хочется отступить.

— Мокрый воробей — это примерно так же, как я выглядел часа два назад, — сказал он. — Дождь в Питере — это национальный вид спорта, я привык. А вы — просто человек, который утром пил кофе и попал под дождь. Бывает.

Я сглотнула.

— И как, я пахну кофе? — спросила я первое, что пришло мне в голову и прозвучало это глупо, но он не рассмеялся надо мной и даже не подал виду, что удивлён вопросу.

— Нет, — он чуть склонился вперёд, и я почувствовала, как надо мной нависает его тень. Но сделал он это легко, без давления, почти как фокус — огромный человек, который умеет быть нестрашным. — Ванилью. И дождём. И немного — почему-то — яблоками. Осенняя смесь.

Он выпрямился, улыбнулся снова, но теперь мягче, почти по-дружески:

— Покажете, где тут кофе? А то я без второй чашки не запускаюсь.

Я смотрела на него снизу вверх. На его спокойные глаза (другие, совсем другие, тёплые, без стальной искры, которую я так хорошо помню). На тёмный свитер (но он сидел иначе, и рукава были чуть короче, и вообще — это просто тёмный свитер, Лиля, перестань). На широкие плечи, которые заслоняли свет, но почему-то не давили, как те, другие плечи.

Он был высоким и широкоплечим, хотя по типу фигуры был более коренастым, чем тот, другой. Но когда я смотрела на Матвея, мне почему-то не хотелось уменьшиться, как это было раньше.

И впервые за полгода я не захотела убежать.

Я кивнула.

— Пошли. Кофе здесь у нас не питерский, но бодрит. Держись за мной, стажёр.

Матвей подхватил рюкзак и пошёл следом. Я слышала его шаги за спиной — уверенные, лёгкие, совершенно не похожие на те, что когда-то преследовали меня в кошмарах. Кошмары все ещё со мной, но он больше не приходит ко мне даже в них.

Я не обернулась. Но я знала — Матвей идёт.

У меня было хорошее предчувствие и почему-то я была уверена, что с этим парнем я точно сработаюсь. И мне не было страшно. Даже несмотря на то, что мне снова приходится смотреть на мир снизу вверх.

Глава 2

Дом встретил меня привычной тишиной. Пока я жила с родителями у нас всегда были кошки и собаки, но живя одной - я не могла взять на себя такую ответственность, понимая, что обрекаю бедное животное на практически круглосуточное одиночество в пустой квартире.

Я захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и на секунду закрыла глаза. Сегодняшний день был странным. После стольких месяцев пустоты я вдруг почувствовала, что могу дышать чуть глубже. Не потому что пришёл Матвей. Просто кто-то посмотрел на меня не как на раненую, а как на человека. Он был как глоток свежего воздуха. Это было непривычно.

Я стянула туфли у порога, прошла на кухню, поставила чайник. За окном уже стемнело, октябрьское небо висело низко и тяжело. Дождь перестал поливать улицы, но те всё ещё блестели мокрым асфальтом. Я механически достала кружку и пакетик чая. Движения привычные, почти бессознательные.

В голове прокручивался сегодняшний день. Стажёр. Высокий, молодой. Приятный. Сказал, что помнит мой кейс с «Северным сиянием». Я почти улыбнулась — впервые за долгое время на работе было с кем поговорить без этой дурацкой жалости в глазах. Но это ничего не значило. Через три месяца он уедет. И снова всё вернётся на круги своя.

Я поставила кружку на стол и направилась в комнату. Телефон остался в сумке — я даже не брала его в руки весь день. Впервые за несколько месяцев я не открыла злосчастный чат перед выходом с работы. Просто забыла.

А может, сегодня мне было чуть легче, чем обычно.

Я подошла к кровати, опустила сумку на пол и решила проверить телефон на наличие уведомлений, ну и чего греха таить, планировала залипнуть на дурацких коротких видео, чтобы окончательно отключить свой мозг после рабочего дня. Я нащупала телефон и поднесла к лицу.

Экран загорелся, показывая время и уведомления.

И я застыла.

На заблокированном экране, самым последним всплывающим сообщением висело уведомление от телеграма.

Пустота:

«Лиль, привет. Я знаю, что я последний человек, с которым ты хотела бы...»

Дальше текст обрывался — экран не показывал больше двух строк.

Я смотрела на это уведомление, и воздух из лёгких вышел весь, разом. Пальцы, держащие телефон, онемели. Я не могла пошевелиться. Я просто смотрела на это слово «Пустота». Именно так я переименовала в своем списке контактов некогда самого любимого мужчину в жизни.

Три месяца.

Три месяца я видела только уведомления от других — от работы, от подруг, от спама. Я открывала наш чат сама. Я проверяла его вручную. Я видела одну галочку и знала, что он не прочитал. Что он даже не заходил в диалог.

А теперь он сам написал мне.

Я зажмурилась. Открыла глаза. Экран погас, и уведомление исчезло.

Я разблокировала телефон. Пальцы дрожали, когда я нажимала на иконку Телеграма. Чат открылся — наш с ним, с аватаркой, где он смотрит с прищуром и ветер треплет его волосы. Старая фотография. Зная его, в августе он наверняка был на новой фотосессии, вот только аватарку так и не изменил. Он делал это каждый год. Его лучшая подруга фотограф устраивала ему фотосессию и он обновлял все свои социальные сети. Раньше я любила смотреть на его фотографии по возрастанию годов, отмечая малейшие изменения в его внешности. С восхи-

щением наблюдая за тем, как с каждым годом его черты преобретают всё больше мужественности.

Прямо под моим последним сообщением — тем, что я отправила несколько дней назад, коротким и безнадежным: «Мне тебя не хватает» — висел его ответ. Настоящий. Живой. Это не было моей иллюзией или ожившей мечтой. Он правда написал мне. Прочитал всё то, что я писала ему последние три месяца.

«Лиль, привет. Я знаю, что я последний человек с которым ты хотела бы поговорить. Но я много думал. И я хочу увидеться. Можешь ответить, когда будешь готова. Я понимаю, что ты, скорее всего, согласишься. Но я надеюсь, что ты дашь мне шанс объясниться.» Я уронила телефон на кровать.

Нет. Нет, нет, нет.

Я встала. Сделала шаг к окну. Остановилась. Сердце колотилось где-то в горле. Я сжала руки в кулаки — ногти впились в ладони.

Он ответил. Он написал первым. Он хочет увидеться. Объясниться.

Три месяца молчания. Полгода назад мы расстались и первые три месяца продолжали выяснять отношения. Точнее не так - я продолжала выяснять отношения. Пыталась понять что произошло и как он мог так быстро остыть ко мне. Я позже узнаю о том, что он так легко отпустил меня в тот день лишь потому, что в своей голове отпустил меня много раньше. Только забыл рассказать об этом мне. Он перестал открывать мне свою дверь, душу, сердце. Перестал быть. Последние три месяца он вывернул меня даже из списка людей, кто достоин ответа в социальных сетях. А я продолжала писать. Каждый день. В нашем чате в Телеграме. Потому что остановиться не могла.

А потом меня накрыло.

Я посмотрела на дату в углу экрана.

12 октября.

Я замерла. Воздух вышибло из лёгких.

Двенадцатое октября.

Три года назад, 12 октября, мы познакомились. В баре, где я пыталась перекричать музыку, а он подошёл ко мне без предисловий, без «можно познакомиться?», просто сказал: «Ты так забавно танцуешь».

Я не танцевала. Я просто стояла и качала головой в ритме, который не совпадал с музыкой.

— Мне не нужны отношения, — сказал он тогда. — Цветы, прогулки за ручку, вся эта романтическая ерунда - будут присутствовать так как я ценю женщин, что проводят со мной время, но в первую очередь мне нужен просто секс. Без обязательств. Просто приятное времяпрепровождение.

— Тебе повезло, — ответила я тогда. — Мне тоже не нужны отношения.

Он рассмеялся. Его смех был громким, но каким-то тёплым, несмотря на всю его наглость.

— Тогда мы сработаемся, — сказал он, наклоняясь к моему уху так, что я почувствовала его дыхание. — Только одно условие. Ты не влюбишься в меня, а я — в тебя.

— Договорились.

Мы не продержались и двух недель.

Через четырнадцать дней я уже просыпалась у него в квартире, и он готовил мне завтрак, и мы говорили до утра, и он смотрел на меня так, будто я была единственным действительно важным человеком в его мире.

— Я нарушу наш договор, — сказал он в тот момент, когда я мы уже собирались выходить из его квартиры чтобы он отвез меня к себе домой. — Я нарушу его прямо сейчас.

— Что? — я обернулась.

Он стоял в дверях, опираясь плечом о косяк, и смотрел на меня с той самой наглой улыбкой, только теперь в ней было что-то другое. Нежность.

— Я влюбился, — сказал он. — Идиотски, до безумия. Прости.

Я рассмеялась тогда. Я не могла поверить. Две недели — и он сдался. А я? Я уже знала, что тоже сдалась. Я сдалась ему практически сразу, только боялась сказать напрямую. Выводила его на душевные разговоры, пыталась вытянуть какие-то глупые признания и вот, он признался сам.

— Это можем всё испортить, — сказала я.

— Я знаю, — он шагнул ко мне и взял мои руки в свои. — Но я хочу этого. С тобой. По-настоящему. Не просто секс без обязательств, не просто свободные отношения.

Я помню, как смотрела на него и чувствовала, что падаю. Падаю в него. Как в обрыв. И я была права. Это решение испортило всё, что было и могло быть между нами.

— Мы даже не запомнили день, когда стали парой, — сказала я ему несколько дней спустя. — Предлагаю годовщиной считать день нашего знакомства.

— А давай, — он усмехнулся. — Наше знакомство. 12 октября. Сделаем его нашей годовщиной. Каждый год. Всегда.

Я помню, как стояла в его квартире с пионами — моими любимыми, помню как он снял со своей руки один из двух браслетов что подарили ему родители, надел на мою руку и сказал что-то вроде:

— Пусть это ещё не кольцо, но начало положено.

Помню, как уткнулась носом в его плечо и чувствовала себя в безопасности. Впервые в жизни — по-настоящему защищённой.

А теперь он выбрал этот день. Намеренно или нет — я не знала. Но факт оставался фактом. В день нашей годовщины, в день, который когда-то был самым счастливым в моей жизни, он решил вернуться.

Я села на пол. Прямо на ковёр, спиной к кровати. Телефон лежал рядом, экран потух.

Я не хотела вспоминать. Я не хотела чувствовать. Но воспоминания нахлынули сами — яркие, тёплые, до боли настоящие.

Я не знаю, сколько я просидела так на полу. Минуту. Десять минут. Час.

В какой-то момент я поднялась, подошла к шкафу, открыла верхнюю полку. Там стояла коробка — простая, картонная, с потёртыми краями. Я не открывала её почти полгода.

Я взяла её в руки, села на кровать, сняла крышку.

Внутри лежали две футболки которые я надевала когда оставалась у него и тот самый браслет. Конечно были и другие подарки. Сережки, наушники и что-то ещё, но именно эти вещи были для меня памятными. Именно они значили для меня что-то особенное. Я знаю, что это глупо. Что нужно было выбросить или вернуть подарки дарителю. Знала что эти вещи — просто напоминание о том, чего больше нет.

Но я не могла.

Я снова взяла телефон. Открыла Телеграм, нашла наш чат. Прочитала его сообщение ещё раз.

«Я хочу увидеться.» 12 октября.

Я смотрела на эти слова, и внутри меня боролись две Лили. Одна — та, что стояла и любовалась обычным веревочным браслетом на руке три года назад и верила в обещания мужчины. Другая — та, что училась жить с болью. Которая знала, что он не писал ей три месяца, хотя мог. Которая знала, что он не хотел писать и даже просто прочитать то, что она писала ему. Он был счастлив и продолжал жить свою жизнь в то время, как я медленно засыхала без него, как цветок лишенный воды и солнца.

Я знала его. Я знала его голос, его смех, его руки. Я знала, как он смотрит, когда говорит правду, и как — когда говорит то, что хотят услышать.

И я знала, что в этом сообщении он не врал. Он действительно хотел увидаться. Он действительно много думал. Или я просто хотела в это верить?

Как бы то не было, но это ничего не меняло. Потому что он не писал три месяца. Потому что он исчез, не попрощавшись. Потому что он оставил меня с одной галочкой и пустым чатом, который я заполняла своими словами, как дневник. Потому что он не нашел в себе сил даже просто написать мне: «Прости, Лиля, но я не хочу поддерживать с тобой никакого контакта, не пиши мне больше».

Я снова прочитала его сообщение.

«Я понимаю, что ты, скорее всего, злишься.»

Злюсь? Нет. Я не злилась. Больше нет. Эту стадию я прошла несколько месяцев назад. Сейчас я просто устала. Устала ждать, устала надеяться, устала писать в пустоту.

Но внутри, где-то глубоко, там, где я всё ещё помнила его запах и тепло его рук, что-то дрогнуло. Что-то, что я пыталась убить последние если не полгода, то три месяца точно.

«Я хочу увидаться.»

Я провела пальцем по экрану. Курсор мигнул в поле ввода. Я могла написать ему сейчас. Что угодно. «Зачем ты вернулся?» — «Отвали» — «Я скучала». Или ничего.

Я посмотрела на браслет в коробке.

На дату в углу экрана.

На его сообщение, которое я перечитывала уже в десятый раз.

И положила телефон экраном вниз.

Не сегодня.

Я подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Улица внизу блестела мокрым асфальтом, фонари отражались в лужах. 12 октября. Обычный осенний вечер. Когда-то он был самым счастливым в моей жизни.

Теперь он просто был и порой мне хотелось, чтобы этого дня не существовало.

Я снова посмотрела на потухший экран телефона. В Телеграме он увидит, что я открыла его сообщение. Две синие галочки загорятся. Он поймёт, что я прочитала. Он поймёт, что я думаю.

Я не была готова ответить.

Но я знала одно — этой ночью я снова не усну.

И впервые за долгое время в моём сердце была не только боль.

Там был страх. Смешанный с надеждой.

И от этого было ещё тяжелее.

Я легла на кровать, толком не раздевшись, и уставилась в потолок невидящим взглядом. Телефон лежал рядом, экраном вниз. Я не брала его. Я не хотела видеть две синие галочки — подтверждение того, что он знает: я прочитала.

«Ты просил любви и заботы, и ты её получал», — всплыли в голове её слова. Её, не мои. Потому что я больше не могла найти себя в

«ней».

Он просил любви. Он всегда просил любви. Но когда дело доходило до того, чтобы её дать — по-настоящему, без оглядки, без «я долго созреваю» — он исчезал.

Я закрыла глаза. Передо мной снова стоял он. Высокий, такой, что мне приходилось запрокидывать голову, чтобы видеть его лицо. С каштановыми волосами, чуть растрёпанными, и этой наглой, немного пьяной улыбкой.

— Ты не влюбишься в меня, а я — в тебя, — сказал он тогда.

Мы оба соврали.

Я открыла глаза и посмотрела на телефон. Захотелось написать ему. Сейчас. Прямо сейчас. Спросить: «Зачем ты выбрал именно этот день?» Или просто: «Как ты?» — как будто ничего не случилось.

Как будто я не писала ему три месяца, а он не игнорировал меня.

Я взяла телефон. Перевернула экраном вверх. Открыла Телеграм. Наш чат.

Его сообщение.

Курсор мигнул в поле ввода.

Я смотрела на текст и чувствовала, как внутри нарастает знакомое, тёплое и болезненное — то, что я научилась называть «жить с этой болью». Только сейчас я поняла: я не научилась жить. Я просто привыкла, что она всегда со мной.

Я медленно набрала: «Почему именно сегодня?» И сразу стёрла.

Нет. Не так.

Я набрала снова:

«Я не злюсь. Я просто не знаю, что тебе ответить.» Стёрла.

«Я тоже хочу увидеться.» Стёрла.

Я отбросила телефон на кровать и закрыла лицо руками. Идиотка. Какая же я идиотка. Три месяца я писала ему в пустоту, как в дневник. Я привыкла, что он не отвечает. Я смирилась. А теперь, когда он написал, я не могу найти слов. Потому что всё, что я хотела сказать, я уже сказала. В те сообщения, которые он никогда не читал. Именно так, я уверена проклятиями на что процентов, что он не прочитал и половины того, что я писала ему. Просто пролистнул чат вниз.

А теперь он здесь. И он хочет объясниться.

Я снова взяла телефон. Посмотрела на чат. Две синие галочки горели рядом с моим последним сообщением — тем, которое я отправила несколько дней назад. «Мне тебя не хватает».

Он видел это. Он знает.

Я снова перечитала его сообщение. «Я хочу увидеться». Без «если хочешь». Без «но я пойму». Просто «я хочу увидеться». Как будто он не сомневался, что я соглашусь. Как будто он знал, что я всё ещё жду. Как будто он был в этом уверен. Хотя, почему «как будто»? Все мои сообщения буквально кричали о том, как сильно я скучаю по нему.

И, чёрт возьми, он был прав.

Я снова набрала:

«Ты выбрал этот день специально?»

Палец завис над кнопкой отправки. Я смотрела на эти слова и понимала, что это не то. Что ответ на этот вопрос ничего не изменит. Если он выбрал специально — значит, он помнит. Если случайно — значит, это просто совпадение. Но ни то, ни другое не делало его сообщение менее реальным. Но что пугало больше всего, так это страх снова отпугнуть его. Он не любил серьезные разговоры, не любил выяснения отношений, не любил - когда я лезла в его душу.

Я стёрла.

И вместо этого написала:

«Хорошо. Когда?»

Я смотрела на отправленное сообщение и чувствовала, как внутри всё обрывается. Поздно. Слово сказано. Я сделала шаг. Осталось понять — в пропасть или к спасению.

Глава 3

Я не спала всю ночь.

Телефон лежал на тумбочке экраном вниз, и я смотрела на него в темноте, как на мину. Он не зазвонил, не завибрировал, не загорелся. Тишина.

Я проверяла чат. Одна серая галочка.

Одна.

Не две. Не синие. Одна.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри всё обрывается. Он либо ещё не открыл Телеграм, либо специально не читает моё сообщение. Я не знала, что хуже. За три месяца я привыкла к этой одной галочке. Три месяца она была моим единственным спутником. А теперь она снова здесь, и она говорит мне то же, что говорила всё это время: «Ты всё ещё недостаточно важна».

Я переворачивалась с боку на бок, считала овец, пыталась вспомнить текст договора, который нужно было подготовить к утру — лишь бы отвлечься. Ничего не помогало. В голове крутился только один вопрос: «Что я наделала?»

К утру я выглядела так, будто меня переехал каток. Под глазами залегли тени, волосы не слушались, а кофе, который я заварила вместо завтрака, казался единственным, что могло вернуть меня к жизни.

Я взяла телефон и снова открыла чат. Одна галочка.

Я закрыла Телеграм, перевернула телефон экраном вниз и пошла дальше собираться на работу.

Стеклянная дверь в офис открылась, и я ввалилась внутрь с таким видом, будто только что вернулась с войны. В опенспейсе уже кипела работа. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то стучал по клавиатуре, а из кухни доносился запах свежесваренного кофе. Обычное утро. Никто не знал, что внутри меня всё рушится прямо в эту самую минуту.

Я прошла к своему столу и села, даже не сняв пальто. Рядом, на соседнем месте, уже сидел Матвей. Он поднял голову и посмотрел на меня. Не так, как смотрели другие коллеги в последние месяцы — с жалостью или неловкостью. Он просто посмотрел. Увидел.

— Доброе утро, — сказал он. — Выглядишь так, будто не спали всю ночь.

Я выдавила улыбку, которая, наверное, была похожа на гримасу. И даже обращение на «ты» совсем не смутило меня. Пусть Матвей и был моложе меня на семь лет, все таки в свои двадцать девять я чувствовала себя ближе к двадцатилетним, чем к тридцатилетним. Да и не любила я весь этот официоз.

— Неужели так заметно?

— Только если присмотреться, — он улыбнулся и вернулся к своему ноутбуку. Без вопросов. Без жалости. Просто констатировал факт и оставил меня в покое.

Я выдохнула. Это было лучшее, что могло случиться в таком состоянии. Никаких «ты как?», никаких навязчивых забот. Просто нормальное утро.

Через час мы сидели рядом за столом в переговорной, разбирая ворох бумаг с новым проектом для сети отелей. Матвей рассказывал о своих идеях, жестикулируя и иногда переспрашивая моё мнение. Я кивала, вставляла пару слов, но мысли были далеко. Благо, идеи у парнишки и впрямь были рабочими.

Телефон лежал на столе сбоку от меня, экраном вверх. Я знала, что уведомлений нет — я проверила минут пять назад. Но всё равно краем глаза поглядывала.

Матвей что-то чертил на листе бумаги, склонив голову набок. Я смотрела на его руки — длинные пальцы, уверенные движения — и думала о том, как странно чувствовать себя почти нормальной рядом с человеком, которого знаешь всего сутки.

И тут экран загорелся.

Одно уведомление.

«Пустота»

Я застыла. Сердце пропустило удар, потом забилося где-то в горле.

Я медленно, боясь даже дышать, взяла телефон и открыла чат.

Две синие галочки.

Он прочитал.

Прямо под моим сообщением, под тем самым «Хорошо. Когда?», которое я отправила вчера, висел его ответ. Настоящий. Живой. Я всё ещё не могла поверить в то, что он действительно пишет мне.

«Давай завтра вечером. В 7. Я подъеду к твоему офису, если хочешь. Если нет — я пойму и не буду больше беспокоить.»

Я смотрела на экран, и внутри меня всё дрожало. Он ответил. Не через день, не через неделю — он ответил утром. Вероятнее всего сразу, как сам доехал до работы и сел за компьютер. Если он конечно не сменил работу. Именно сейчас, когда я сидела здесь, рядом с Матвеем, и пыталась делать вид, что моя жизнь не сплошной клубок боли и я увлечена новым проектом.

Вторая часть сообщения ударила сильнее первой. «Если нет — я пойму и не буду больше беспокоить.»

Он давал мне выбор. Он не давил. Он просто предложил и оставил решение за мной. Это было так в стиле Вани — красиво, нежно, с отступлением, которое на самом деле не было отступлением. Он знал, что я соглашусь. Он знал, что я не смогу отказаться. А ещё я знала его. Это не джентельменский жест и не возможность для меня сказать «нет». Это его способ защитить своё это? Душу? Я так и не разобралась. Он не дал разобраться. Но я точно уверена в одном пусть он поступил со мной как последний козёл (и не один раз), но он сам чертовски боялся отвержения.

Мои пальцы дрогнули. Я не заметила, как прикусила губу и задержала дыхание. На глаза навернулись слёзы — не от боли, а от облегчения. Он ответил. Он не игнорировал меня. Он думал. Думал, обо мне?

Матвей поднял голову и посмотрел на меня. Я чувствовала его взгляд, но не могла оторваться от экрана. Телефон всё ещё горел, показывая его ответ, и я не знала — ответить сейчас? Сразу? Или дать себе время? Чертовски не хотелось чтобы Ваня думал, будто я специально игнорирую его, как это делал он сам. Я выше этого (в этот момент внутри меня жалобно закулила моя гордость и чувство собственного достоинства).

— Лиля, — тихо сказал он. — Всё в порядке?

Я моргнула и наконец подняла глаза. Матвей смотрел спокойно, без осуждения. Он видел, что что-то произошло, но не давил.

— Да, — выдохнула я, чувствуя, как голос предательски дрожит. — Всё хорошо.

Он не поверил. Я видела это по его глазам. Но он не стал лезть.

— Слушай, — сказал он, закрывая ноутбук. — Мы уже пару часов сидим над этим проектом. Давай сделаем перерыв. Внизу есть приятное кафе, я там вчера обедал. Нормальный кофе, не офисный. Идём?

Я смотрела на него и понимала, что он предлагает мне выход. Не из кабинета — из моей головы. Хотя бы на полчаса.

Я кивнула. Мне нужно было выйти. Нужно было «подышать».

Через пять минут мы сидели за угловым столиком в небольшом кафе, где вкусно пахло выпечкой и молотым кофе. Матвей сделал заказ и откинулся на спинку стула, глядя на меня. Я молчала, накручивая край салфетки. Телефон лежал рядом на столе, экраном вверх, и я каждые несколько секунд косилась на него.

— Ты не обязана мне ничего рассказывать, — начал он негромко. — Но если хочешь — я слушаю. Без советов. Без жалости. Просто послушаю.

Я подняла глаза и встретила с ним взглядом. Он смотрел ровно, тепло. И впервые за долгое время я не чувствовала себя слабой.

— Это мой бывший, — сказала я, сама удивляясь своей открытости. — Он написал мне вчера. В день нашей годовщины. Я ответила, а он молчал до утра. А сейчас — сейчас он ответил.

Матвей не перебивал. Он просто ждал. А я продолжила, выпустив судорожный вздох.

— Почти три месяца я писала ему в пустоту, — продолжала я. — Каждый день. А он не читал. Он просто оставлял меня с одной галочкой. И я привыкла. Клянусь, я почти смирилась с тем, что он больше никогда в жизни мне не ответит. Даже представляла как через много лет буду думать: «а жив ли он вообще?». А теперь он хочет встретиться.

— И ты хочешь? — спросил он просто.

Я задумалась. Хочу ли я? Часть меня — та, что помнила его руки и его смех — кричала «да». Другая часть — та, что засыхала от его молчания — молчала. Потому как встретиться с ним (ровно как и ответить ему), означало снова окрылить себя надеждой. Но я уже знала ответ. Я знала его с той самой секунды, как увидела его сообщение.

— Да, — сказала я тихо. — Но я боюсь. Боюсь, что это снова будет как тогда. Что я опять поверю, а он снова исчезнет.

Матвей посмотрел на меня и сказал:

— Я не знаю, что тебе советовать, да и обещал обойтись без советов. Но я знаю одно: иногда легче принять решение, если посмотреть на ситуацию со стороны. — Он кивнул на телефон. — Что он написал?

Я взяла телефон, открыла чат. Прочитала вслух:

— «Давай завтра вечером. В 7. Я подъеду к твоему офису, если хочешь. Если нет — я пойму и не буду больше беспокоить.»

Матвей откинулся на спинку стула и улыбнулся, скорее, мягко, чем одобрительно.

— Он дал тебе выбор, — сказал он. — Это хорошо. Он не давит. Но он ждёт. И он написал именно то, что ты хотела услышать?

Я снова посмотрела на экран. «Если нет — я пойму и не буду больше беспокоить.»

— И да и нет, — сказала я, чувствуя, как внутри разливается тепло, но вместе с ним и чувство тревоги, которое подобно змее скрутилось у меня где-то в районе желудка. — Но я думаю, что он написал именно то, что я хотела услышать. Точнее, прочитать.

— И что ты ему ответишь?

Я медленно перевела взгляд на экран. Курсор мигнул в поле ввода. Я смотрела на его сообщение и чувствовала, как внутри поднимается волна — не паника, не страх, а что-то другое. Надежда.

Я набрала:

«Хорошо. Я буду ждать.»

И отправила, не дав себе передумать.

Матвей тихо спросил:

— Ты уверена?

Я подняла на него глаза. Он смотрел спокойно, без осуждения, без жалости.

— Я знаю только одно, — сказала я. — Я устала бояться. Устала думать о нём день и ночь. Устала скучать и я...

Я резко обрываю своё признание, потому что это слишком. Мы с Матвеем даже не друзья, не стоит так откровенничать.

Он кивнул, не говоря ни слова и я была благодарна ему за то, что он не стал наседать на меня. Просто поднял свою чашку с кофе, будто произнося тост.

— Тогда удачи тебе завтра, — сказал он. — И помни: что бы ни случилось — это не конец. Это просто ещё один шаг.

Я улыбнулась. Впервые за несколько месяцев — по-настоящему.

— Спасибо, — сказала я. — За то, что не жалеешь меня.

— А смысл? — он усмехнулся. — Ты выглядишь так, будто сама с этим прекрасно справляешься.

Я взяла свою чашку и сделала глоток. Кофе был горячим, почти обжигающим, и это было хорошо. Я чувствовала себя живой.

Я бросила взгляд на экран телефона. Две синие галочки рядом с моим ответом. Он прочитал.

Я улыбнулась в кружку и постаралась скрыть эту улыбку от Матвея. Получилось откровенно плохо, но его ответная улыбка вселяла в меня чувство спокойствия и уверенности. Всё таки правду говорят: «человеку нужен человек». Сегодня мой день был спасен во многом именно благодаря Матвею. Его по большей части молчаливой поддержке. И спокойной, не осуждающей улыбке.

А завтра... Завтра я встречу с Ваней.

Глава 5

На следующий день я не могла найти себе места и до до самого вечера существовала в режиме автопилота. Боже храни моего босса, другой уже давно как минимум сделал бы мне выговор за витание в облаках.

На работе я смотрела в документы, кивала, что-то говорила, но мозг отказывался обрабатывать информацию. Перед глазами всё ещё стояло его сообщение. «Давай завтра вечером.» Завтра. Это уже сегодня.

Я поймала себя на том, что в который раз прокручиваю в голове все возможные сценарии встречи. Он извинится. Он скажет, что скучал. Он посмотрит на меня теми же глазами, какими смотрел тогда, в начале, и я снова поверю.

Или он скажет, что хочет просто поговорить. Закрывать гештальт. Поставить точку.

От этой мысли внутри всё холодело. Я не знала, чего боялась больше. Того, что он захочет начать всё сначала и вновь разобьёт моё сердце или того, что он хочет встретиться со мной лишь для того, чтобы попросить меня наконец-то отвалить от него с концами.

Я сидела за своим столом, когда Матвей подошёл и сел на соседний стул. Молча. Просто сел и открыл ноутбук. Я мельком глянула на него и заметила, что он поглядывает на меня с лёгкой усмешкой.

— Что? — спросила я настороженно.

— Ты уже пятнадцать минут смотришь в одну и ту же строчку договора, — сказал он. — Я проверял.

Я перевела взгляд на экран. Он был прав. Текст расплывался перед глазами, и я не могла вспомнить, что читала секунду назад.

— Я просто задумалась.

— О том, что будет сегодня вечером? — спросил он без осуждения.

Я хотела сказать «нет». Соврать. Но глядя в его спокойные глаза, почувствовала, как внутри что-то ослабевает. Да и какой смысл врать, после того, что обсуждала с ним вчера?

— Да, — призналась я.

Матвей на секунду задумался, потом протянул руку и накрыл мою ладонь своей. Я замерла. Прикосновение было лёгким, почти невесомым, но от него по коже пробежали мурашки. Я была удивлена, но острого желания забрать свою ладонь - не появилось.

— Тебе нужно что-то, что отвлечёт тебя от мыслей, — сказал он тихо.

Я подняла на него глаза. Наши лица были слишком близко. Я видела каждую чёрточку его лица, светлые глаза, в которых плясали смешинки, и этот лёгкий румянец, который вдруг появился на его щеках.

— Например? — спросила я, и голос прозвучал хрипло.

Он улыбнулся.

— Кофе?

Я рассмеялась. Напряжение, которое скручивало меня последние несколько часов, наконец отпустило.

— Я думала, ты скажешь что-то более радикальное.

— Радикальное оставим на потом, — его пальцы чуть сжали мою ладонь. — Когда ты будешь готова.

Он убрал руку, как ни в чём не бывало, и повернулся к своему ноутбуку. А я сидела и чувствовала, что ничего не понимаю. Он сейчас флиртовал со мной? Мне же не показалось? И самое интересное то, что и это не вызвало внутри меня никакого отторжения. Возможно всё дело было в том, что Матвей располагал людей к себе особо ничего для этого не делая. Меня же он привлекал тем, что не смотрел на меня как на жертву. Вот только, я была уверена в том,

что ещё не готова открыто начать флиртовать с другим мужчиной. Как минимум это было бы нечестно по отношению к нему.

Поэтому остаток рабочего дня я всеми силами старалась действительно сосредоточиться на работе и как можно меньше разговаривать и как-либо контактировать с Матвеем.

Я открыла «Телеграм» за час до конца смены. Он не написал больше ни слова. Две синие галочки горели рядом с моим вчерашним ответом. Я смотрела на них и пыталась понять, что чувствую.

Надежду.

Страх.

И странное, почти забытое — предвкушение. Я так отвыкла от Вани, что у меня было ощущение, будто я иду на первое свидание с незнакомцем.

Несмотря на то, что в обычной жизни макияжа я использую по минимуму (не потому, что я красавица неписанная, а просто из-за лени и желания поспать лишние двадцать минут утром), сегодня я была «при параде». Полный макияж который включал в себя и тональный крем с пудрой и румяна и помаду. Из оеддды я выбрала черное облегающеиплатье чуть ниже колена и туфли лодочки на каблуке. Выбор пал на платье по той причине, что оно подходило как для рабочего дня в офисе, так и для свидания (а у нас вообще свидание?) после работы. Короткие каштановые волосы было особо никак не уложить, поэтому я прошлась по ним утяжком и уложила челку. Только сейчас осознала в чем причина странных, улыбающихся взглядов коллег. Кажется весь офис понял, что после работы я поеду не домой.

За размышлениями рабочий день подошел к концу и на телефон пришло новое сообщение:

«Пустота»:

— Я подъехал, стою у главного входа.

Я медленно выдохнула, заблокировала телефон, положила его в сумку и поднялась. Матвей смотрел на меня с соседнего места и молчал.

— Он ждёт меня у офиса, — сказала я, сама не зная, зачем говорю это ему.

Матвей кивнул, закрыл ноутбук и тоже поднялся.

— Я провожу тебя до выхода, — сказал он.

— Это не обязательно.

— Я знаю, — он улыбнулся. — Но я хочу.

Мы вышли из офиса вместе. Я застегнула пальто, он накинул куртку, и мы пошли к выходу. Я не спрашивала, зачем он идёт. А сам он не объяснял. Мы просто шли рядом — и это было чем-то комфортным.

На выходе из бизнес-центра я сразу увидела его.

Ваня стоял у той же чёрной машины к которой я так привыкла за почти два года наших отношений, опираясь плечом о дверь. Он был в сером пальто которое я так же узнала, волосы чуть растрёпаны ветром, как и всегда. До моего появления в его жизни - у него дома не было даже расчески. Ваня смотрел на меня. И на его губах мелькнула та самая привычная наглая улыбка, от которой у меня когда-то перехватывало дыхание. Улыбнуться в ответ у меня не получилось. Всё внутри сжалось, и я просто смотрела на него, как на призрак из прошлого, который вдруг стал реальным. Он был всё таким же красивым.

— Лиль, — позвал он негромко, делая шаг в мою сторону.

А в следующий момент я почувствовала, как Матвей обхватил моё лицо ладонью, повернул его к себе и поцеловал — нежно, в щёку, почти по-дружески, но при этом так, будто это было самое естественное движение в мире. Как-будто он делал это каждый день.

Я замерла. Внутри меня всё встало на паузу.

— Что ты делаешь? — прошипела я, не оборачиваясь на Ваню, но чувствуя его взгляд.

Матвей наклонился к моему уху и шепнул так, чтобы слышала только я:

— Пусть немного поревнует. Ему полезно.

Я хотела возмутиться. Хотела сказать ему, что это не его дело, что я сама разберусь, что он перешёл границы. Но слова застряли в горле. Потому что внутри меня, где-то глубоко, тихо и гадко, я соглашалась с ним. Это было неправильно. Но в то же время заслуженно для Вани.

Матвей отстранился, улыбнулся спокойно, будто ничего не случилось, и сказал уже громко:

— Удачи, Лиля.

И развернулся, уходя обратно в здание. А я осталась стоять под взглядом Вани, чувствуя, как горят щёки — от его поцелуя, от своей злости, от чужого внимания. И понятия не имела, что делать дальше.

Ваня молчал несколько секунд. Потом в его глазах промелькнуло что-то неуловимое, почти незаметное. Он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз.

— Друг? — спросил он коротко.

— Коллега, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он кивнул, но я видела, что он не поверил.

— Поехали, — сказал он, открывая передо мной дверь машины.

Он как и всегда, открыл для меня дверь пассажирского сидения и протянул руку, чтобы помочь мне сесть. Я так отвыкла от всего этого, что руку заметила слишком поздно, поэтому села в салон сама. Я расстроилась сначала, но потом поняла, что оно и к лучшему. Я не готова касаться его кожи, как бы сильно не желала этого.

Внутри салона пахло так же, как тогда — кожа, холод, тонкий аромат одеколона, который я слишком хорошо помнила. Я села на пассажирское сиденье, и мир за стеклом покачнулся.

Машина тронулась. Я смотрела в окно на проносящиеся фонари и не могла выдавить из себя ни слова. Он тоже молчал. Тишина между нами была плотной, как вата. Я чувствовала его взгляд, когда он поворачивал голову, чтобы посмотреть на дорогу или на меня.

Это было невыносимо. В какой-то момент я перестала трястись как осиновый лист и смело повернулась чтобы посмотреть на него. Нос и щеки у него были красными от октябрьского ветра, на лице легкая щетина и я точно помню как приятно, когда он трется ей о мою шею. Ваня знал, что я смотрю на него и в какой-то момент бросил на меня короткий взгляд и улыбнулся. Мягко, искренне. Я сучала по этой улыбке.

— Я подумал, что мы можем поехать в грузинский ресторанчик рядом с парком «Сокольники», — нарушил он молчание.

Я внутренне вздрогнула. Он помнил. Он выбрал то самое место, где мы были в самом начале отношений, когда всё было простым и правильным.

— В тот самый? — спросила я, чувствуя, как голос мой становится нежнее.

Он мягко улыбнулся. Опять. Господи, помоги мне не растечься лужицей прямо в этой машине.

— Конечно, помню. Нам тогда было очень вкусно, а после я полночи не слезал с туалета.

Я невольно рассмеялась. Это было правдой. Он рассказал мне об этом на следующий день, намного смущаясь. Хотел узнать, нормально ли я чувствовала себя. Но к счастью, с моим ЖКТ всё было в норме после посещения ресторана.

— Готов снова рискнуть? — спросила я и не сразу поняла, как двусмысленно прозвучал мой вопрос.

— Да, готов, — ответил он и было у меня такое ощущение, что он ответил сразу на два вопроса, один из которых не был озвучен вслух.

Ресторан оказался почти пустым. Мы сели за столик у окна, за тот же, за которым сидели два года назад, и вечерний свет фонарей падал на Ванино лицо. Он был таким же, как я запомнила. Только как-будто спал выглядеть старше. Или это мне казалось?

Я смотрела на него и чувствовала, как в груди теплеет. В его глазах была та самая теплота, по которой я так скучала все эти месяцы. Та, которую я боялась больше никогда в жизни не увидеть. Та, что исчезла, когда он смотрел на меня в машине в тот страшный для меня вечер.

Я замерла. Воспоминание нахлынуло внезапно, разрывая мгновение тепла.

«Тот вечер. Её машина. Она приехала к его дому, потому что не могла больше терпеть эту пустоту. Она позвала его выйти покурить. Прошло уже чуть больше месяца с их расставания и она чувствовал, что больше не имеет права пересекать порог его квартиры. Хотя у неё всё ещё были ключи. Он сел на пассажирское сиденье и смотрел вперёд, на дорогу.

— Я не понимаю, что произошло, — говорила она, чувствуя, как слёзы душат её. — Мы же любили друг друга. Как ты мог так легко отпустить?

Он не отвечал.

— Так не бывают. Люди не перестают любить в один день. Признай, просто признай, что ты давно разлюбил, что ты просто не хотел выходить «плохим» из этих отношений. Ты хотел, чтобы я сама всё закончила. Поэтому ты так ужасно поступал со мной последние месяцы?

Он повернул голову. И в его глазах не было ничего. Пустота. Полная, абсолютная пустота.

У неё перехватило дыхание.

Неважно, что она будет говорить сейчас. Так же неважно сколько слёз она прольет. Он не признает, что она права. Он не умел брать ответственность не только за неё, но и за себя самого. Не собирался нести ответственность за собственные слова и обещания. Ей остается только гадать: как давно он на самом деле отпустил её из своего сердца и головы, но не говорил об этом? Ему не было больно не потому, что он не любил, а потому, что в своей голове он уже прожил их расставание.

— Кто ты? — спросила она шёпотом.

Он горько усмехнулся, но ничего не ответил.

— Лиль?

Голос Вани вырвал меня из воспоминаний. Я моргнула. Он смотрел на меня с той самой мягкостью, которая заставляла моё сердце сжиматься. Но внутри всё ещё жила та картинка — его холодный взгляд, его молчание, его пустота.

Я выдохнула. Голова разрывается от мыслей.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я кивнула, но вряд ли выглядела убедительно. В этот раз он не сидел рядом со мной как было раньше, он сидел напротив и поэтому скрыть от него свои эмоции я не могла.

Он помолчал, а потом сказал:

— Я позвал тебя сюда, чтобы сказать... — он замялся, подбирая слова. — Я понял, что не могу выбросить тебя из головы. Сначала было легко. Я не думал о тебе. Мне не было больно. Но в последнее время я всё чаще возвращаюсь мыслями к тебе, к нам. И решил, что нам стоит встретиться.

Я слушала его слова, но где-то внутри боролись две Лили. Одна — та, что хотела верить. Вторая — та, что помнила пустоту.

— И что ты предлагаешь? — спросила я. Мой голос прозвучал отстранённо, почти холодно. Я и сама не ожидала такой тональности, но прямо сейчас я чувствовала смертельную усталость от всего.

Он посмотрел на меня. Его глаза были серьёзными.

— Я хочу попробовать восстановить общение, — сказал он. — Без спешки. Не так, как в прошлый раз. Просто дать нам время.

Внутри меня что-то дрогнуло. Сердце забилося быстрее, и я почувствовала, как к щекам приливает тепло. Надежда. Глупая, невозможная, но такая живая. Она хотела пробиться наружу. Мне казалось, что эта надежда вместе со сбившемся с ритма сердцем сейчас проломит мои рёбра.

А потом мозг сказал: «Стоп».

Это не нормальная радость. Это реакция моего мозга на стресс. Он подает мне сигналы через тело. Так было всегда, когда я чувствовала подвох опасность, предательство.

Я попыталась успокоиться. Сделала глубокий вдох. Выдохнула. Память снова подкинула картину — его ледяные глаза, его тишина в машине. Три месяца игнора. Множество сообщений без ответа. И вопрос, который мучил меня всё это время, хоть я и старалась, мучительно старалась отгонять от себя эти мысли: сколько у него было женщин, пока я пыталась собрать себя по кусочкам?

— Мне нужно подумать, — сказала я, поднимаясь.

Он тоже встал, удивлённо глядя на меня.

— Лиль, давай просто поговорим. Без давления.

— Ты уже давишь, — сказала я. — Ты всегда давишь. Просто делаешь это так мягко, что я замечая это только потом. Ты делаешь вид, что даешь мне выбор, но это неправда. Ты никогда не даешь мне реально выбора. Ты знал, что я соглашусь на встречу и наверняка был уверен в том, что я соглашусь на любое твоё предложени, — на этих словах я горько улыбнулась. — И ты, черт тебя возьми, прав. И именно поэтому мне нужна пауза и время подумать. Я не готова просто так вернуть между нами что бы то ни было. Надежда которую ты даешь мне - может стоять для меня очень дорого.

Он хотел сказать что-то ещё, но я остановила его жестом руки.

— Ты хоть видел сколько я писала тебе, в то время, когда ты решил осознанно игнорировать меня? Ты не заблокировал меня, не попросил не писать тебе, ты просто осознанно оставил дверь приоткрытой, не собираясь выходить на порог — на эмоциях выпалила я.

Он молчал, и по его лицу я поняла, что он всё видел. Даже если не читал, он видел. Видел, но не открывал. Не отвечал.

— В одном из сообщений я написала тебе: «Ты перезимовал со мной и бросил с приходом теплоты». — теперь моя улыбка сделалась как у раненного зверя. — Сейчас опять захотелось погреться?

В его глазах мелькнула боль. Или мне показалось. Иногда мне казалось, что он не способен испытывать душевную боль.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается волна. Не гнева. Не обиды. Усталости. И странного облегчения — от того, что я наконец сказала это вслух. Теперь я точно знаю: он услышал.

— Ты бросил меня в мае, — сказала я тихо. — Когда всё цвело, когда впереди было лето, мой день рождения. Но ты расстался со мной и уже меньше чем через две недели улетел в Турцию. Признайся, ты ведь купил себе путевку ещё когда мы были в отношениях, да?

Он не ответил. Опустил глаза. Я знала этот жест. Это было его «да». Вслух он никогда не признается в том, что хоть как-то порочит его.

— Ты обещал мне море, — продолжила я. — Обещал Питер. Обещал, что мы будем гулять по ночному городу и пить вино на набережной. Обещал чёртвов ресторан из списка твоей сети. Ты обещал так много, что я перестала различать, где обещания, а где просто красивые слова.

Я перевела дыхание. Голос дрожал.

— А потом ты просто уехал. В Турцию. Без меня. Через две недели после того, как разбил мне сердце. И знаешь, что самое смешное?

Я усмехнулась горько.

— Я всё равно продолжала тебе писать. Все шесть месяцев и из них три ты просто игнорировал меня. Я знала, что ты не читаешь. Знала, что ты счастлив. Что ты загораешь, пьёшь коктейли, флиртуешь с кем-то, пока я здесь, в этой же стране, умираю от мысли, что я для тебя ничего не значила.

Он поднял голову. В его глазах было что-то — может быть, сожаление. Может быть, растерянность. Я ставила на второе, потому что Ваня всегда был слаб в глубоких разговорах. Но я больше не хотела гадать.

— А теперь ты вернулся, — сказала я. — Снова хочешь погреться. Но, Вань, на улице октябрь, а я больше не твоя грелка. Я не буду ждать, пока ты снова согреешься и уйдёшь, когда станет жарко.

Я развернулась и вышла из ресторана.

За спиной я слышала, как он зовёт меня, но я не остановилась. Когда-то он был не дал мне уйти. Он бы остановил меня, но не сейчас. Я была уверена, что он не пойдёт за мной.

На улице было холодно. Октябрьский ветер ударил в лицо, разгоняя туман в голове. Я сделала несколько шагов по тротуару и остановилась, прислонившись к фонарному столбу.

Турция. Май. Билеты, купленные на одного, когда мы ещё были в отношениях. Его молчание в машине. Три месяца одной галочки.

Всё это стояло перед глазами, и я смотрела на это, как на чужую жизнь. Нет, мою жизнь. Которая стала мне до ужаса чужой.

Я знала одно: сейчас мне нужно напиться. И чтобы рядом не было никого, кто мог бы меня остановить. Или добить.

Я достала телефон и пролистав телефонную книгу, нашла контакт который записала всего лишь сутки назад. Сообщение набирала трясущимися пальцами и уверяла себя, что трясутся они от холода, а не боли раздирающей меня изнутри. Не от желания развернуться и побежать обратно в ресторан.

«Если ты ещё не спишь — у меня есть идея. Кофе не предлагать.» Через минуту от Матвея пришёл ответ:

«Бар через дорогу от офиса. Жду.»

Я улыбнулась сквозь слёзы которые предательски собирались в уголках глаз и пошла к метро.